

Старость — не радость

Два российских фильма этим летом оказались в центре внимания отечественных и международных кинофестивалей — “Старухи” Геннадия Сидорова и “Бабуся” Лидии Бобровой. Их события разворачиваются в российской глубинке.

Фильм Лидии Бобровой продюсировался при участии Франции, что, быть может, как-то повлияло на его структуру и развитие сюжета. Рассказывает он о жизни деревенской “бабуся”, которая воспитывала сначала детей, потом внуков, соседских ребятишек. Но все они выросли, сделали карьеру, обеспечили себе благополучную жизнь в больших городах. И во многом этому способствовали деньги их бабуся, продавшей свой дом для обустройства потомства.

Казалось бы, дела у всех обстоят вполне благополучно. Однако никто из детей не распоряжается ни нажитым имуществом, ни собственной свободой. Одна зависит от мужа, другой — от любовницы, третий не имеет прописки. Бабуся перевозят из дома в дом, с квартиры в квартиру, передавая с рук на руки, как ненужный, ветхий предмет. Осознавая это, бабуся все же находит силы и запас любви, чтобы одарить чудом внуку, вернуть ей дар речи.

В фильме Л. Бобровой героиня почти лишена слов, что усиливает ее сходство с иконой Богоматери. И кажется вполне оправданным приглашение на роль не профессиональной актрисы, а обычной деревенской старухи с выразительным, одухотворенным лицом.

Старость — тема общечеловеческая. Извечная. К ней обращались во все времена. Но для русского зрителя звучит она совсем иначе, чем на Западе. Боброва создала картину о жизни пожилых людей со всеми реалиями российского быта, не превращая показанную историю в притчу, не придавая событиям символического обобщения. Увы, старость в России тяжка и неприглядна: старикам не выжить на грошовую пенсию. Государство, которому они отдали всю свою жизнь, не способно обеспечить им сносное существование. Старикам чаще всего не в радость, а в тягость своим давно повзрослевшим детям. Картины российской жизни пока-

заны Бобровой в духе привычных стереотипов. Ее видение российской глубинки при всей беспримесности лубочно-красочно. Столица показана как коррумпированный мир. А ностальгические воспоминания о счастливом прошлом принадлежат скорее кинематографу начала 90-х, когда режиссеры вглядывались в советское прошлое, тоскуя об утраченных идеалах. Как жаль, что Боброва прибегает к выразительным средствам и темам уже ушедших времен. И вообще, что нового хотела она сказать своим соотечественникам?

Внятность высказывания очевидна в другом фильме — в “Старухах” Геннадия Сидорова. Режиссер-дебютант для своей картины, как и Боброва, тоже выбрал непрофессиональных исполнителей. И события его фильма также разворачиваются в провинции. Съемки велись под Костромой (соответственно, старухи родом оттуда). Показано небольшое селение, где проживают исключительно женщины да еще сельский дурачок. Сюда прибывают беженцы из Узбекистана. Но говорят они по-таджикски, поскольку режиссер пригласил на эти роли таджикских актеров. Парадоксальным образом исследуются взаимоотношения бывшей империи и ее колоний: если в советские времена цивилизация шла от центра к ее окраинам, то теперь среднеазиатские беженцы развивают русскую глубинку, возводят домоустроенную электростанцию как символ прогресса.

Г. Сидоров соединяет документальные кадры с игровыми. И сам же нарушает избранный принцип! Точности документального повествования противоречат игровые эпизоды. Беженцы сами по себе инородны окружающей среде. Возникает противоречие между существованием доподлинных старух и “художественных персонажей”, созданных артистами и фантазией режиссера. На стыках эпизодов подлинной и “разыгрываемой” жизни видны “швы” — фильм от этого многое терпит. Смеется зритель уже не над нелепостью бытия, увиденного и показанного режиссером, а над настоящими русскими бабами.

События картины имеют трагическую подоплеку. Сельский дурачок сжигает дом, в котором обустроились переселенцы, лишая их возможности

Кадры из фильмов “Бабуся” и “Старухи”

укорениться. Но есть в “Старухах” сцены, которые придают вдруг фильму комедийное звучание. Как концертные номера, построены они на столкновении привычной обыденности и высокой поэзии. Бабулька в замызанной одежде рассказывает о прожитой своей жизни в ямбах пушкинского “Онегина”. Ирония и юмор этих сцен для русских ясны. Но вряд ли западный зритель поймет, в чем тут соль, — интонационная и смысловая игра не переводима ни на какой иной язык. “Старухи” — сугубо российский продукт и адресован отечественному зрителю, но его, возможно, возьмут в конкурс Фестиваля в Сан-Себастьяне.

Фильм Лидии Бобровой ориентирован на западного зрителя. И Боброва, и Сидоров заигрывают с аудиторией. Но оба прежде всего озабочены тем, как бы обслужить рынок, что и первому, и второму не позволяет подняться до подлинных, художественных открытий.

Биргит БОЙМЕРС

Лакмусовая бумажка

“Бабуся” называли ее внуки, которых она вырастила, пока их родители находились в постоянных разъездах. Прошли годы. Внуки выросли. Бабуся продала дом, деньги раздала внукам. А сама стала жить с дочерью и зятем в их городской квартире. Но дочь умерла. Зять от тещи отказался. Племянница-журналистка, приехавшая на родину из Москвы, пытается бабуся пристроить к внукам” (из аннотации фильма).

Лидия Боброва снимает игровое кино, приглашая в него непрофессиональных артистов. Впервые, в “Бабуся”, она отступила от этого правила: стала работать с профессионалами. Только на роль бабуся да еще одной деревенской жительницы взяла немолдых женщин, которым и во сне бы не приснилось, что будут они артистками. Обычные деревенские люди. Снимали в Архангельской области и героинь там нашли. Нина Павловна, сыгравшая главную роль, согласилась сниматься только потому, что не знала, что это такое. А когда втянулась, поняла, что не может от этого отказаться, сказала так: “Ну что же. Буду терпеть”. Дотерпела до конца фильма.

Премьера картины на “Кинотавре” и последовавшая за ней пресс-конференция наделали много шума. Кто-то рыдал навзрыд, а кто-то обвинял режиссера в использовании бесчестных средств и запрещенных приемов, бесчеловечном выдавливании слезы простейшим и вернейшим способом, в искусстве неприемлемым. Говорили, что картина предсказуема, и с самого начала ясно, чем все закончится. Достаточно лишь посмотреть на бабуся — и плакать хочется, но достигнута это отнюдь не художественными средствами. Бесчестными. Лидия Боброва ответила на упреки резко: “Подошла ко мне зрительница и сказала, что этот фильм, как лакмусовая бумажка, проявляет каждого человека в кинозале. Вот и вас проявил”.

Говорили и другое: что “Бабуся” — о богооставленности. Картина нравится иностранцам. Отборщик Венецианского фестиваля Ханс Шлегель заявил, что наконец-то увидел фильм, который по-настоящему занимается проблемами не только России, что благодаря “Бабуся” он понял что-то о России, а из большинства других российских фильмов не понял ничего об этой стране. На что русские критики заметили, что иностранцы не понимают чисто русской фальши и это характерное явление, куда как здорово, что через такие фальшивые фильмы иностранцы “понимают” Россию.

“Бабуся” вошла в конкурс фестивалей в Карловых Варах, хотя неизвестно, отреагирует ли Чехия должным образом на страдания и боль старухи. Вот где-нибудь позападнее, в Канне или Венеции, шансов у Лидии Бобровой было бы больше. Менее всего хотелось бы подозревать режиссера в конъюнктуре. Боброва все же отличается, и очень сильно, от многих наших кинодеятелей, хорошо усвоивших правила наилучшего внедрения своих опусов в международную фестивальную жизнь. Хочется верить, что Боброва делала честное кино.

Бабуся, конечно, жалко. Никому она не нужна со своей старостью. Но на этом картины не построишь. Поэтому в ней много весьма условных, наивных и даже идеологически странных установок. Одни только новые русские, показанные на экране,

чего стоят. Тут исключительная неправда, если не сказать, незнание жизни. В зале иногда звучит циничный смех. А Лидия Боброва надеялась все же на другую реакцию. Зато пожилые женщины охотно проецируют свою судьбу на судьбу главной героини картины. После показа на “Кинотавре” они не расходились долго. Окружили режиссера, рассказывали о себе. Плакали сами. Плакали актрисы. Плакала Боброва. Я спросила Лидию Алексеевну, почему она плакала, будучи профессионалом. Понятно, что кино для нее — больше, чем кино, но все же... Она ответила: “В церкви бывают моменты общности, когда хор запоет “Аллилуйя”, — комок в горле. Вот и на просмотре “Бабуся” произошла неожиданная вещь. Люди, работавшие со мной, знают, что из меня вышибить слезу очень сложно. Картину я знаю от и до. Но в какой-то момент от того, что происходило с залом, с его душой, а я почувствовала это кожей, вдруг с потрясением обнаружил, что слезы текут из глаз, что это не моя картина. Нечто произошло с моей душой оттого, что нечто случилось с душой зала. И я несколько не стыжусь своих слез. Я очистилась через слезы зала”.

Вот и Ольга Онищенко, снимавшаяся в картине, со слезами на глазах рассказывала о бабуся, называла ее Божиим человеком, говорила, что у нее не просто лицо, но лик. В нем нет ни капли агрессии, одно лишь всепрощение и любовь. “Находясь с ней, ты словно долги отдаешь. У каждого из нас есть вина перед близкими и родными людьми. Когда они уходят, в эти секунды ощущаешь, что болит душа, понимаешь, как много ты им недодал в силу разных обстоятельств. И с этой виной уже будешь дальше жить...”

В итоге бабуся возьмут к себе самые обездоленные — беженцы без собственного крова. И в этом, по Бобровой, заключена правда жизни. Только бедный, несчастный, обделенный способен протянуть руку помощи. От новых русских душевного движения не дождешься.

Лидия Боброва с какой-то невероятной болью (в которую не поверить — кощунство) произнесла: “Это все взято из жизни, я ничего не придумала. Когда я увидела русскую деревню с ее праздниками, то мне захотелось, чтобы зрители тоже все это узнали. Народ наш умеет не только пить, но и радоваться жизни. В деревне Поддого, где мы снимали, ночью бродят волки, и там же живут дети — чемпионы мира по японским шашкам рэндзю. Подумала, что надо бы об этом снять документальный фильм. Наш народ талантливый, настоящий. Но какова его судьба, какова судьба наших мальчиков, которые либо спиваются, либо их убивают. Все мы знаем историю страны — Афганистан, Чечню, “Курск”. Что мы за страна такая, где убивают наших детей? Почему мы так не бережем своих сыновей? Кто виноват в такой жизни? Наверное, это не дело режиссера — отвечать на такие вопросы. Я сняла этот фильм из чувства вины перед своей мамой, которая умерла три года назад. И я не могла спокойно жить, пока не сняла картину. Это момент моего личного покаяния”.

Светлана ХОХРЯКОВА